

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 2. С. 5–15.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 5–15.

Научная статья
УДК 94(47).07/08(470.630)
DOI: 10.37482/2687-1505-V414

Лесоразведение в инородческих степях Ставропольской губернии в конце XIX – начале XX века

Екатерина Николаевна Бадмаева^{1✉}

Баатр Викторovich Очиров²

^{1, 2}Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Элиста, Россия

¹e-mail: badmaeva@yandex.ru[✉], ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4472-5535>

²e-mail: ochirov.baatr@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3471-8008>

Аннотация. Степные пространства Предкавказья долгий период времени были населены преимущественно кочевыми народами (калмыками, ногайцами, туркменами). Их образ жизни обуславливал их взаимодействие с естественной средой. Степные пространства они использовали прежде всего для ведения кочевого скотоводства и перекочевки с места на место. Усилившаяся крестьянская земледельческая экспансия на Юг России привнесла в природный ландшафт изменения. Большой интерес к степным пространствам проявляли ученые, чиновники и др. Все это нашло отражение в вопросах о возможности лесоразведения в суровых степных условиях Ставропольской губернии. Лесоразведение в степях губернии входило в комплекс мероприятий по земледельческому освоению степных территорий Предкавказья и, безусловно, повлияло на социально-экономическое развитие кочевых народов, ведь лесная посадка явилась неотъемлемой частью перехода кочевников на оседлый образ жизни. Изучение истории лесоразведения в последнее время особенно актуально на фоне усилившихся процессов опустынивания. Проблема опустынивания в южных регионах России (республиках Калмыкия и Дагестан, Ставропольском крае, Ростовской области) на первый план выдвигает комплекс коллективных мер по противодействию этой природной угрозе. Как известно, опустынивание стало следствием антропогенного воздействия на природу. Тем более актуальны анализ опыта прошлого и рассмотрение мер по лесонасаждению в степном Предкавказье. Активное лесоразведение в конце XIX – начале XX века оказалось важным фактором развития земледельческого хозяйства в регионе. Усилившаяся антропогенная нагрузка постепенно приводила к деградации почв и возникновению песков. Лесоразведение в инородческих степях Ставропольской губернии наряду с хозяйственным освоением этих мест позволило замедлить процесс опустынивания, способствовало удержанию влаги в почве, снижению эрозии и улучшению микроклимата.

Ключевые слова: кочевые народы, лесоводство, лесоразведение, степное Предкавказье, инородческие степи Ставропольской губернии, борьба с опустыниванием

Для цитирования: Бадмаева, Е. Н. Лесоразведение в инородческих степях Ставропольской губернии в конце XIX – начале XX века / Е. Н. Бадмаева, Б. В. Очиров // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 5-15. – DOI 10.37482/2687-1505-V414.

Original article

Afforestation in the Ciscaucasian Steppes of the Stavropol Province in the Late 19th and Early 20th Centuries

Ekaterina N. Badmaeva¹✉

Baatr V. Ochirov²

^{1,2}Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia

¹e-mail: badmaeva@yandex.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4472-5535>

²e-mail: ochirov.baatr@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3471-8008>

Abstract. The steppe areas of Ciscaucasia had for a long time been primarily inhabited by nomadic peoples (Kalmyks, Nogais and Turkmens). Their way of life determined their interaction with the natural environment. They primarily used the steppe for nomadic cattle breeding and migration from place to place. The increased peasant agricultural expansion to the South of Russia brought changes to the natural landscape. In addition, scientists, government officials and others showed great interest in the steppe territories. As a result, the question of the possibility of afforestation in the harsh steppe conditions of the Stavropol Province was raised. Afforestation in the steppes of the Stavropol Province was part of the set of measures for the agricultural development of the Ciscaucasian steppes and, without a doubt, influenced the socio-economic development of nomadic peoples, as forest planting became an integral part of the transition of nomads to a sedentary lifestyle. Studying the history of afforestation has recently become especially relevant due to the intensified desertification processes. The problem of desertification in Southern Russia (Republic of Kalmykia, Republic of Dagestan, Stavropol Territory and Rostov Region) brings to the forefront a set of collective measures aimed to counteract this natural threat. As is commonly known, desertification in this region is a consequence of the human impact on the environment, which makes it the more relevant to analyse the experience of the past and review afforestation efforts in the steppes of Ciscaucasia. Active afforestation in the late 19th and early 20th centuries was an important factor in the development of agriculture in the region. The increased human impact on the environment gradually led to soil degradation and sandification. Afforestation in the Ciscaucasian steppes of the Stavropol Province, along with the economic development of these areas, slowed down the desertification process and contributed to the retention of moisture in the soil, as well as reduced erosion and improved the microclimate.

Keywords: *nomadic peoples, forestry, afforestation, Ciscaucasian steppes of the Stavropol Province, combating desertification*

For citation: Badmaeva E.N., Ochirov B.V. Afforestation in the Ciscaucasian Steppes of the Stavropol Province in the Late 19th and Early 20th Centuries. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 5–15. DOI: 10.37482/2687-1505-V414

В настоящее время в степных пространствах Предкавказья возникает множество экологических проблем, таких как деградация почв, снижение биоразнообразия, загрязнение вод и вырубка лесов. Лесоразведение выступает одним из ключевых факторов, способствующих стабилизации экосистем и улучшению качества окружающей среды. Однако, несмотря на значительное количество исследований, посвященных лесоразведению в Ставропольской губернии, особенно на ее степных пространствах, заявленная тема не получила должного освещения в научной литературе. Исторический опыт показывает, что успешное лесоразведение может существенно улучшить экологическую ситуацию в регионе. В прошлом здесь применялись методы, которые способствовали сохранению, восстановлению, росту лесов и могут быть использованы в современных условиях. Таким образом, необходимы более глубокое изучение исторического опыта лесоразведения и его применение для улучшения экологической ситуации на Юге России.

Цель настоящей статьи – представить анализ исторического опыта лесоразведения в Ставропольской губернии в конце XIX – начале XX века. Исследование направлено на выявление и оценку наиболее эффективных методов и подходов, использовавшихся в указанный период для сохранения, восстановления и увеличения лесных массивов.

В имперский период существовало немало научных работ, раскрывавших вопросы лесоразведения на Юге России, – в основном они были посвящены разведению лесов на степных просторах России, включая инородческие степи Ставропольской губернии, и выходили в свет отдельными изданиями [1–3]. В других трудах проблемы лесоводства рассматривались в рамках комплексного изучения хозяйственной жизни оседлых и кочующих народов [4–7].

В советской историографии немаловажную роль в исследовании лесоразведения сыграл М.А. Цветков, описавший в своей монографии изменение лесистости в европейской части России с конца XVII века по 1914 год [8].

Сегодня проблема опустынивания вновь актуализирует необходимость изучения методов лесоразведения. В работах Н.Е. Шевченко на основе анализа лесного хозяйства Российской империи рассматривается широкий спектр вопросов, связанных с управлением, использованием и сохранением лесных ресурсов [9], раскрывается роль Лесоохранительного комитета в сохранении лесов Ставропольской губернии, приводятся данные о площадях и мерах охраны лесных массивов губернии [10]. В его кандидатской диссертации представлен очерк истории изучения лесов Центрального Предкавказья [11]. Подробная информация о государственном регулировании лесного хозяйства в XIX–XX веках содержится в статье А.И. Алексеева и А.В. Третьякова [12]. Н.П. Беловусова проводит исторический обзор основных пунктов Положения о сбережении лесов 1888 года [13]. А.Т. Джумагулова, опираясь на неопубликованные архивные материалы, исследует проблемы борьбы с опустыниванием и лесоразведения в Ачикулакской степи [14], а также пескоукрепительные работы, которые производились в полупустынных зонах, на землях кочевых народов Юга России в XIX – начале XX века [15].

Несмотря на перечисленные научные работы, тема лесоразведения в Ставропольской губернии, особенно на территории кочевых народов, в конце XIX – начале XX века остается недостаточно изученной. Проблеме борьбы с опустыниванием, планомерному развитию пескоукрепительной деятельности на территориях Калмыцкой автономной области и Астраханской губернии посвящена статья Е.Н. Бадмаевой [16].

В ходе исследования привлекались материалы фондов Государственного архива Ставропольского края (ГАСК) и Национального архива Республики Калмыкии (НАРК). Для полного раскрытия характеризуемой проблемы использовались материалы из Полного собрания законов Российской империи. Методологическую основу составили принципы историзма, системности и закономерности развития общества.

В период с середины XIX до начала XX века в Российской империи осуществлялся контроль за использованием лесных ресурсов. Эти функции были возложены на Министерство государственных имуществ, в состав которого входил Лесной департамент. В 1868 году лесные массивы Ставропольской губернии и Терской области, находившиеся под управлением военного ведомства, были переданы в распоряжение местной администрации. Спустя два года в губернии была утверждена должность лесничего ревизора и организована лесная стража [9, с. 1561].

В конце XIX – начале XX века в Российской империи действовало Положение о сбережении лесов, подписанное Александром III 4 апреля 1888 года. Министерство государственных имуществ осуществляло общий надзор за исполнением этого Положения. В губерниях надзор за исполнением возлагался на лесоохранительные комитеты. В соответствии с Положением, в Ставропольской губернии был создан губернский Лесоохранительный комитет, подчинявшийся Лесному департаменту Министерства государственных имуществ.

В 1893 году Министерство государственных имуществ было преобразовано в Министерство земледелия, в 1894-м – в Министерство земледелия и государственных имуществ, и Лесной департамент вошел в его состав.

Для реализации Положения о сбережении лесов было издано более 10 нормативных актов, включая наставления, правила и инструкции, которые были предназначены для использования лесничими на местах [12, с. 31]. Помимо основного лесоохранительного закона на территории Ставропольской губернии действовали циркулярные предписания Лесного департамента Главного управления землеустройства и земледелия [9, с. 1563]. Таким образом, инициатива по контролю лесных массивов, предпринятая имперской администрацией, была распространена на Ставропольскую губернию. В результате все работы по лесоразведению в инородческих степях оказались под контролем губернской администрации.

Выдающийся ученый И.В. Бентковский, занимавшийся изучением истории и этнографии кочевых народов, в 1868 году считал возможным лесоразведение у кочевников. Он отмечал, что для полного успеха этого начинания «необходимо прежде всего приступить и озаботиться о сбережении воды, во время дождей и таяния снегов, бесполезно изливающихся в Маныч» [4, с. 110]. Рассматривая данный вопрос в контексте Большедербетовского улуса Ставропольской губернии, можно считать это мнение актуальным для всего степного Предкавказья. Именно лесоразведение и развитие водных ресурсов в степях Предкавказья могли оказать помощь крестьянам в освоении степи и приобщить кочевников к оседлому образу жизни.

Лесные посадки являлись частью ведения примитивного земледелия, а лесозащитные насаждения и строительство прудов были залогом успешного наступления на засуху. Миссионер Н. Львовский, приводя хозяйства калмыцких нойонов Михаила Гахаева и зайсанга Лапина в качестве образца землепашества, писал, что «лес посажен 5 лет тому назад [в 1889 году] и состоит из вяза, клена, тополя, дуба, орешника и других лиственных деревьев» [6, с. 47]. Он также положительно оценивал рост леса в будущем и отмечал, что во всем Большедербетовском улусе лишь вышеперечисленные рассадники можно было назвать лесом [6, с. 47–48].

В ноябре 1885 года из Ставропольского статистического комитета Министерства внутренних дел на имя главного пристава кочующих народов пришел запрос на предоставление информации о существовании лесных плантаций, о размерах площадей и качестве леса. Сведения, полученные из приставств, обрисовывают картину состояния лесоразведения в середине 1880-х годов.

Ачикулак-Джембойлуковское приставство сообщало, что была «разведена небольшая роща, занимавшая пространство в 740 кв. сажень. В настоящее время в ней сохранилось только 30 полузасохших деревьев»¹. Эта роща находилась в Ачикулаке, рядом со зданием

¹ ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1023. Л. 3.

ставки. Также подчеркивалось, что близ квартиры помощника располагались 38 деревьев в хорошем состоянии, а на ее южной стороне росло 5 больших деревьев и 5 акаций. Отмечая довольно хороший рост деревьев рядом со своей квартирой, пристав уточнил, что засадил перед ней площадь в 674 кв. саженей. Было посажено 1600 деревьев и кустарников².

В Туркменском приставстве при Летней ставке был разведен сад площадью 1287 кв. саженей³. В Караногайском приставстве «кроме караногайца Найманова куба Мустапы О. разведением лесных плантаций никто не занимался и не занимается»⁴. Названный караногаетц, как отмечалось, более 15 лет трудился над разведением рощи при своей усадьбе, однако почвенно-климатические условия в данном приставстве не позволяли широко заниматься лесоразведением. Посаженные им деревья большей частью гибли, не вынося песчано-солончаковой почвы, сильной жары и практически постоянных восточных ветров⁵. Также в приставстве деревья были посажены в селении Огузьер в количестве нескольких десятков.

Таким образом, в деле лесоразведения ситуация в приставствах была неоднозначной. Ачикулак-Джембойлуковское и Туркменское приставства находились в лучшем природном расположении, чем Караногайское. Почвенно-климатические условия первых двух позволяли местному населению более активно переходить к оседлости и, следовательно, заниматься посадкой леса. Караногайцы в большинстве своем продолжали сохранять кочевой образ жизни, который диктовала им природа.

Власти и местные сообщества (в первую очередь оседлые) были заинтересованы в активном лесоразведении в степях, видя в нем большие выгоды для ведения хозяйства. Это можно наблюдать по активной переписке между приставом туркменского народа и главным приставом кочевых народов.

В 1899 году пристав туркменского народа в рапорте главному приставу кочевых народов писал, что «площадь земли около Летней ставки, предположенная для посадки деревьев-саженцев, и место, бывшее под прудом, перепаханы и вполне готовы для посадки деревьев»⁶. Покупку саженцев местные власти рассчитывали производить за счет общественного капитала. В частности, пристав туркменского народа обращался с просьбой к главному приставу об «ассигновании 200 руб. на приобретение древесных саженцев для посадки в обеих ставках»⁷. Главный пристав не дал разрешения на покупку саженцев по причине позднего времени, однако просил включить данную статью расходов на следующий год⁸.

В 1901–1902 годах в Туркменском приставстве планировалось подготовить под лесные насаждения 11 дес. земли, 8 из них предполагалось вспахать для осенней посадки, а 3 – для весенней. Общая сумма расходов составила 300 р.⁹ В 1902 году из туркменского общественного капитала были выделены 350 р. на покупку семян и черенков¹⁰. Таким образом, в Туркменском приставстве активную позицию в разведении леса занимал сам пристав и при поддержке местного оседлого кочевого населения он смог направить необходимые

²ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1023. Л. 3–3 об.

³Там же. Л. 4.

⁴Там же. Л. 6.

⁵Там же.

⁶Там же. Д. 1101. Л. 118.

⁷Там же. Л. 120.

⁸Там же. Л. 121.

⁹Там же. Л. 129–129 об.

¹⁰Там же. Л. 139–139 об.

средства на это. Главный пристав не мог препятствовать таким действиям, понимая, что лесоразведение усилит тенденцию к оседлости и упрочит стационарные хозяйства в степях.

Организационные мероприятия по разведению леса включали в себя покупку и доставку саженцев, сеянцев на территории инородческих степей Ставропольской губернии. Из документов видно, что лес для губернии покупался в соседних регионах. К примеру, приобретенные в 1901 году 110 тыс. сеянцев для Летней ставки Туркменского пристава планировалось перевезти со ставки Элисты Астраханской губернии. Расход на перевозку составлял 50 р.¹¹

В августе 1905 года попечитель Большедербетовского улуса Ставропольской губернии в сопровождении губернского архитектора и 6 доверенных калмыцких обществ был в г. Царицыне на лесных складах местных фирм с целью покупки лесных материалов. Попечитель сообщал о трудностях, связанных с объемами и сроками поставки леса. Условия договора с фирмой требовали от поставщика доставки лесного материала весной следующего года, т. е. в марте 1906 года¹².

В рапорте главному приставу попечитель сообщал о вариантах доставки – с помощью организаций, доставляющих лес, или своими усилиями, о временном хранении леса на ближайшей к улусу станции «Торговая», о поиске и найме рабочих и др.¹³ Как видно, разведение леса требовало от местной администрации не только желания, но и умения выстроить логистику доставки леса в степи.

В таких активных процессах в деле лесоразведения на местах, как со стороны администрации, так и со стороны населения улуса,

главный пристав увидел потенциал для оседлости калмыков.

В объявлении для калмыков улуса от лица главного пристава кочевых народов было указано: «...для того, чтобы облегчить калмыкам, в особенности же малосостоятельным из них, возможность сделаться хорошими хозяевами, я, согласно приговорам родовых обществ, дал разрешение приобрести на общественные суммы лесной материал для сараев, амбаров и других надворных построек, с тем, чтобы лес роздан был бесплатно калмыцкому населению восьми родовых обществ и крещеным калмыкам Князе-Михайловского поселка (по 20 досок и 2 подтоварника на каждый двор)»¹⁴.

Решение главного пристава, направленное на содействие переходу калмыков к оседлому образу жизни через предоставление лесных ресурсов, продемонстрировало более высокую эффективность по сравнению с денежными субсидиями, которые, по нашему мнению, являлись нецелесообразными в контексте адаптации кочевых сообществ к новым условиям.

Таким образом, на примере Большедербетовского улуса показано, какое значение в начале XX века имело лесоразведение в политике местной администрации. Переход на оседлость усиливал посадку лесов в улусе, а власти считали лесопосадки неотъемлемой частью нового образа жизни кочевников, ведь лесоразведение обеспечивало их новыми ресурсами и возможностями для развития.

В отчете по Большедербетовскому улусу за 1910 год было отмечено, что площадь лесопосадок достигла 174 дес., из них 52 дес. располагались на казенном участке земли в Башанте, 8,5 дес. находились в руках частных владельцев, остальные были разбро-

¹¹ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1101. Л. 129 об.

¹²Там же. Д. 1760. Л. 20–20 об.

¹³Там же. Л. 22–24 об.

¹⁴Там же. Д. 1760. Л. 61.

саны небольшими участками от 6 до 30 дес. по 8 хотонам¹⁵.

Подчеркнем, что под лесоразведением в степных районах, населенных инородцами, также понимались создание и благоустройство садов. Причем, просматривая переписки и отчеты местной администрации, мы предполагаем, что под лесоразведением и садоводством понималось одно и то же. В степях в первую очередь стремились не к созданию обширных лесных массивов, а к планомерной посадке деревьев в оседлых поселениях.

Инициатива лесоразведения одновременно с садоводством исходила также от местного населения. Оседло поселившиеся кочевники помимо скотоводства и земледелия преуспели и в лесных посадках. В 1912 году старшина аула Кендже-Кулак обращался к туркменскому приставу с просьбой выделить из Летней ставки 6 или 7 тыс. корней молодых деревьев¹⁶. В другом документе пристав туркменского народа писал: «...принадлежащий к числу кочевников туркменец Чавдунова рода Муса-аджи Эшей-аджиев, желая показать своим однообщественникам добрый пример приложения труда к земле, в 1906 г. предпринял разведение леса и фруктовых деревьев в открытой степи, несмотря на солонцеватость почвы, в течение 6 лет получил прекрасный лесосад, причем его фруктовые и косточковые породы дают такие плоды, которые могли бы конкурировать на рынке с лучшими сортами местного плодоводства»¹⁷.

Тем не менее в процессе лесоразведения возникал ряд трудностей. Например, в акте от 1 июня 1912 года было указано, что «на площади 85 десятин... молодые шелуговые почти съедены прусом совершенно и на площади

24 десятин они уничтожены, примерно наполовину»¹⁸. Нередким явлением в инородческих степях были пожары. Так, на Ачикулакской даче, в западной ее части, на площади около 7 дес., которая была занята осокорями и акациями, выгорели сухая трава и сушняк: «Пожаром повреждены листья и отчасти стволы деревьев. Причина пожара – неосторожное обращение с огнем женщины, варившей пищу близ леса»¹⁹.

Особое внимание уделялось главной проблеме в кочевых степях – борьбе с опустыниванием. В начале XX века опустынивание ограничивалось территорией Ачикулакского приставства, однако со временем деградация степных территорий стала более очевидной. Связанные с данной проблемой работы по лесоразведению были направлены на предотвращение распространения пустынь и восстановление экосистемы. В 1912 году в письме главному приставу было отмечено, что Лесной департамент постановил «с начала текущего года оказывать содействие инородческому населению Ставропольской губернии в деле борьбы с сыпучими песками, которое будет выражаться в содержании за счет казны технического персонала и Ачикулакского плодо-лесного питомника»²⁰. При этом расходы на пескоукрепительные работы, а также поддержание садовых и лесокультурных работ при ставке должны были производиться из инородческих средств²¹. Подчеркнем, что «туркменские общества, населявшие пограничные с Ачикулакским приставством земли, содержали производимые здесь работы за счет средств, отпускаемых из туркменского общественного капитала» [14, с. 59]. В послании

¹⁵НАРК. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 163. Л. 26 об.

¹⁶ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 15. Л. 16.

¹⁷Там же. Л. 79.

¹⁸Там же. Л. 42.

¹⁹Там же. Л. 90.

²⁰Там же. Л. 1.

²¹Там же. Л. 1 об.

старшему таксатору корпуса лесничих Глезденеву главный пристав просил принять во внимание организуемые общественные работы на песках Ачикулакского пристаства. Кроме того, он сообщал, что в распоряжение Ачикулакского пристаства было переведено 2 тыс. р. на лесокультурные надобности, и отмечал, что старшему таксатору предоставляется право производить организационные расходы из этой суммы по мере необходимости²².

В вышеупомянутой объяснительной записке заведующего работами по укреплению песков в Ставропольской губернии присутствовали итоговые сведения. За отчетный 1912 год общественными силами были произведены: устилка сыпучих песков шелуговым хворостом на площади 247,38 дес., посадка осокоря под канавокопатель на площади 88,14 дес., посадка сеянцев твердых пород на площади 31,96 дес.²³ Всего на пескоукрепительные работы было израсходовано 13 353 р. 66 коп., включая 11 499 р. 13 коп. – из общеимперского продовольственного капитала, 1854 р. 53 коп. – из туркменского общественного капитала²⁴. Подводя итоги успешной работы за отчетный период, заведующий подчеркивал, что «наступил такой момент, когда для своевременного использования укрепленных площадей необходимо на первое место выдвинуть работы облесительные и производить их в самых широких размерах»²⁵.

Чиновник также подвел итоги лесокультурных работ при ставке и в аулах. При Ачикулакской ставке эта деятельность заключалась в содержании плодового сада и виноградника, обсадке ставочных зданий декоративными и плодовыми деревьями и уходе за насаждениями. В Туркменском пристастве при Летней ставке для защиты больниц от ветров и пыли

был заложен парк на площади 6 дес. Всего было высажено 1500 деревьев, часть была доставлена из насаждений на песках Ачикулакского пристаства, часть – из посадок 1906 года при ставке²⁶.

В аулах Туркменского пристаства были пополнены старые и заложены новые лесосады на школьных усадьбах и при мечетях. В течение 1912 года для этой цели были использованы 9500 саженцев и сеянцев различных древесных пород, 554 дерева старшего возраста, 152 плодовых дерева и 20 кустов сирени²⁷.

Таким образом, проведенный анализ показал нарастающую интенсивность процессов лесоразведения в инородческих степях в конце XIX – начале XX века. При этом развитие лесоразведения было обусловлено тем, что удалось привлечь внимание имперской администрации к вопросу оседлости кочевых народов, а также к проблеме, связанной с опустыниванием. В начале XX века на борьбу с песками были направлены значительные рабочие силы и материальные ресурсы. Пескоукрепительные работы привлекли в регион специалистов, ученых.

Социально-экономический сдвиг, связанный с переходом кочевого народа к оседлости и с приобретением навыков лесоразведения и садоводства, привел к значительным изменениям в жизни кочевников. Кочевники, ранее занимавшиеся исключительно скотоводством, в начале XX века стали не только земледельцами, но и успешно освоили лесоразведение и садоводство. Лесоразведение от небольших посадок, расположенных вблизи ставок, пристаств и улусов, в начале XX века распространилось на все инородческие степные пространства, приобретая значительные масштабы. Эта трансформация содействовала расширению

²²ГАСК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 15. Л. 7–7 об.

²³Там же. Л. 106 об.

²⁴Там же. Л. 107.

²⁵Там же. Л. 108.

²⁶Там же. Л. 108 об. – 109.

²⁷Там же. Л. 109.

спектра занятий кочевого населения, что, в свою очередь, повлияло на социально-экономическое развитие региона.

В 1880–1890-е годы на территории кочевых народов Ставропольской губернии леса располагались преимущественно в административных центрах приставств и улусах. Лесоразведением занимались как богатые кочевники, перешедшие на оседлый образ жизни, так и рядовые жители степей, оседло поселившиеся и проявившие интерес к садоводству и лесоразведению. К концу 1900-х годов повсеместный рост лесных массивов на территории кочевых степей стал

результатом активного перехода кочевников на оседлый образ жизни, усилившегося опустынивания и финансирования лесонасаждений. Важную роль в этом процессе сыграла активная деятельность чиновников губернского Лесоохранительного комитета.

Следовательно, лесоразведение на территории кочевых народов в исследуемый период имело неуклонную тенденцию к росту, что было обусловлено как социально-экономическими изменениями, так и целенаправленными усилиями по сохранению и увеличению лесных массивов.

Список литературы

1. Генко Н.К. К статистике лесов Европейской России: [По поводу изд. «Положения о сбережении лесов» от 4 апр. 1888 г.]. СПб.: Тип. Канцелярии С.-Петерб. градоначальника, 1888. 97 с.
2. Генко Н.К. Об облесении южно-русских степей. СПб.: Тип. Канцелярии С.-Петерб. градоначальника, 1886. 59 с.
3. Глезденев В.Л. О работах по укреплению сыпучих песков в Ачикулакском приставстве, Ставропольской губернии. Новочеркасск: Тип. «Дон. жизнь», 1914. 13 с.
4. Бентковский И.В. Воды и степи Большедербетовского улуса соответствуют ли условиям колонизации калмыков? // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. 1. Ставрополь: Тип. Губ. правления, 1868. Отд. 1. С. 105–112.
5. Иванов Д.Л. Влияние русской колонизации на природу Ставропольского края. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1886. 30 с.
6. Львовский Н.В. Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии. 2-е изд. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 156 с.
7. Фостиков Л. О способах водоснабжения в Трухмянских степях // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. 3. Ставрополь: Тип. Губ. правления, 1870. Отд. 1. С. 85–94.
8. Цветков М.А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 213 с.
9. Шевченко Н.Е. К истории охраны лесов Центрального Предкавказья: Ставропольский Губернский Лесоохранительный Комитет // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Естеств. и техн. науки. 2012. Т. 17, № 6. С. 1561–1563.
10. Шевченко Н.Е. Динамика площади и меры сбережения лесов Ставропольской губернии по историко-географическим данным с конца XVII по начало XX века // Лесоведение. 2015. № 2. С. 122–129.
11. Шевченко Н.Е. Леса Центрального Предкавказья: флористический состав, растительность и проблемы их охраны: дис. ... канд. биол. наук. М., 2013. 247 с.
12. Алексеев А.И., Третьяков А.В. Государственное регулирование лесного хозяйства Российской империи в XIX – начале XX в. // Уч. зап. Электрон. науч. журн. Курск. гос. ун-та. 2017. № 2(42). С. 27–32.
13. Белоусова Н.П. Охрана и использование лесного фонда Российской империи в конце XIX в. // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2008. № 4(60). С. 33–35.
14. Джумагулова А.Т. «Успокоение песков»: борьба с опустыниванием на землях кочевых ногайцев Ставропольской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Nomadic Civiliz. Hist. Res. 2024. Т. 4, № 2. С. 51–65. <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2024-4-2-51-65>

15. Джумагулова А.Т. «Владельцы песков»: пескоукрепительные работы на землях кочевых народов Юга России (ногайцев, калмыков и туркмен) в XIX – начале XX веков // Кавказология: электрон. журн. 2024. № 3. С. 41–66. <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2024-3-41-66>

16. Бадмаева Е.Н. Деятельность краевой Астраханской пескоукрепительной организации на территории Калмыкии в 1920-е гг. // Вестн. Калмыц. ун-та. 2022. № 3(55). С. 6–13.

References

1. Genko N.K. *K statistike lesov Evropeyskoy Rossii* [On the Statistics of Forests in European Russia]. St. Petersburg, 1888. 97 p.
2. Genko N.K. *Ob oblesenii yuzhno-russkikh stepey* [On the Afforestation of the Steppes in Southern Russia]. St. Petersburg, 1886. 59 p.
3. Glezdenev V.L. *O rabotakh po ukrepleniyu syuchikh peskov v Achikulakskom pristavstve, Stavropol'skoy gubernii* [On the Work to Strengthen Loose Sands in the Achikulak District, Stavropol Province]. Novocherkassk, 1914. 13 p.
4. Bentkovskiy I.V. Vody i stepi Bol'shederbetovskogo ulusa sootvetstvuyut li usloviyam kolonizatsii kalmykov? [Are the Waters and Steppes of the Bolshederbetovsky Ulus in Line with the Conditions of Kalmyk Colonization?]. *Sbornik statisticheskikh svedeniy o Stavropol'skoy gubernii* [Collected Statistical Data on the Stavropol Province]. Iss. 1. Stavropol, 1868. Sec. 1, pp. 105–112.
5. Ivanov D.L. *Vliyanie russkoy kolonizatsii na prirodu Stavropol'skogo kraya* [The Influence of Russian Colonization on the Nature of the Stavropol Region]. St. Petersburg, 1886. 30 p.
6. L'vovskiy N.V. *Kalmyki Bol'shederbetovskogo ulusa Stavropol'skoy gubernii* [Kalmyks of the Bolshederbetovsky Ulus, Stavropol Province]. Elista, 2022. 156 p.
7. Fostikov L. O sposobakh vodosnabzheniya v Trukhmyanskikh stepyakh [On the Water Supply in Turkmen Steppes]. *Sbornik statisticheskikh svedeniy o Stavropol'skoy gubernii* [Collected Statistical Data on the Stavropol Province]. Iss. 3. Stavropol, 1870. Sec. 1, pp. 85–94.
8. Tsvetkov M.A. *Izmenenie lesistosti Evropeyskoy Rossii s kontsa XVII stoletiya po 1914 god* [Changes in the Forest Cover in European Russia from the Late 17th Century to 1914]. Moscow, 1957. 213 p.
9. Shevchenko N.E. K istorii okhrany lesov Tsentral'nogo Predkavkaz'ya: Stavropol'skiy Gubernskiy Lesookhranitel'nyy Komitet [On History of Central Ciscaucasus Forests: Stavropol Provincial Committee of Woods Preservation]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Estestvennye i tekhnicheskie nauki*, 2012, vol. 17, no. 6, pp. 1561–1563.
10. Shevchenko N.E. Dinamika ploshchadi i mery sberezheniya lesov Stavropol'skoy gubernii po istoriko-geograficheskim dannym s kontsa XVII po nachalo XX veka [Areal Dynamics of the Forests of Stavropol Governorate and the Means to Preserve Them in the Late 17th – Early 20th Century Based on Historico-Geographical Data]. *Lesovedenie*, 2015, no. 2, pp. 122–129.
11. Shevchenko N.E. *Lesy Tsentral'nogo Predkavkaz'ya: floristicheskiy sostav, rastitel'nost' i problemy ikh okhrany* [Forests of Central Ciscaucasia: Floristic Composition, Vegetation, and Problems of Their Protection: Diss.]. Moscow, 2013. 247 p.
12. Alekseev A.I., Tret'yakov A.V. Gosudarstvennoe regulirovanie lesnogo khozyaystva Rossiyskoy imperii v XIX – nachale XX v. [State Regulation of Forestry in the Russian Empire in the 19th – Early 20th Centuries]. *Uchenye zapiski Elektronnogo nauchnogo zhurnala Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 2, pp. 27–32.
13. Belousova N.P. Okhrana i ispol'zovanie lesnogo fonda Rossiyskoy imperii v kontse XIX v. [Protection and Use of Forest Resources of the Russian Empire at the End of XIX Century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 2008, no. 4, pp. 33–35.
14. Dzhumagulova A.T. “Uspokoenie peskov”: bor'ba s opustynivaniem na zemlyakh kochevykh nogaytsev Stavropol'skoy gubernii v kontse XIX – nachale XX vv. [“Calming the Sands”: Combating Desertification on the Lands of Nomadic Nogais of Stavropol Province in the Late XIX – Early XX Centuries]. *Nomadic Civiliz. Hist. Res.*, 2024, vol. 4, no. 2, pp. 51–65. <https://doi.org/10.53315/2782-3377-2024-4-2-51-65>

15. Dzhumagulova A.T. "Owners of the Sands": Sand Protection Works on the Lands of the Nomadic Peoples of Southern Russia (Nogais, Kalmyks and Turkmens) in the XIX – Early XX Centuries. *Caucasology*, 2024, no. 3, pp. 41–66 (in Russ.). <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2024-3-41-66>

16. Badmaeva E.N. Deyatel'nost' kraevoy Astrakhanskoy peskoukrepitel'noy organizatsii na territorii Kalmykii v 1920-e gg. [Activities of the Regional Astrakhan Organization Preventing Sand Movement on the Territory of Kalmykia in the 1920s]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, 2022, no. 3, pp. 6–13.

Информация об авторах

Е.Н. Бадмаева – доктор исторических наук, доцент, директор международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на евразийском пространстве» Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова (адрес: 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11).

Б.В. Очиров – ассистент кафедры истории России, документоведения и архивоведения Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова (адрес: 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11).

Information about the authors

Ekaterina N. Badmaeva, Dr. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Director of the International Research Centre "Oirats and Kalmyks in the Eurasian Space", Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (address: ul. Pushkina 11, Elista, 358000, Russia).

Baatr V. Ochirov, Teaching Assistant at the Department of Russian History, Document Management and Archival Science, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (address: ul. Pushkina 11, Elista, 358000, Russia).

Поступила в редакцию 12.09.2024

Одобрена после рецензирования 28.01.2025

Принята к публикации 30.01.2025

Submitted 12 September 2024

Approved after reviewing 28 January 2025

Accepted for publication 30 January 2025